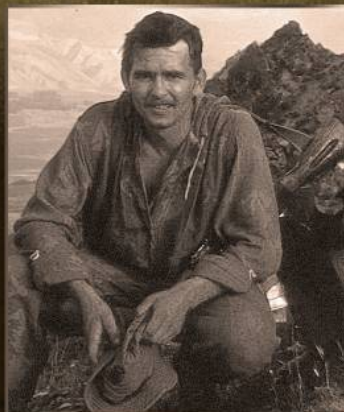

Андрей ДЫШЕВ

ВОЕННАЯ ДРАМА

ОГЛЯНИСЬ

Военная драма

Андрей Дышев

Оглянись

2007

Дышев А. М.

Оглянись / А. М. Дышев — 2007 — (Военная драма)

ISBN 978-5-699-22233-9

Дорога предстояла опасная, и когда в бронетранспортер лейтенанта Нестерова посадили медсестру, он не очень обрадовался – отвечай теперь за нее. Как назло, колонна попала под обстрел душманов, и боевая машина Нестерова на полной скорости вылетела с дорожного полотна. Лейтенант с тремя бойцами и незнакомой девушкой остались одни под обстрелом...

ISBN 978-5-699-22233-9

© Дышев А. М., 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Дышев

Оглянись

Андрей Дышев

* * *

Глава 1

Афганистан. Февраль тысяча девятьсот восемьдесят третьего года.

- Шарыгин, сколько банок тушенки во взводе осталось?
- Штук двадцать, товарищ лейтенант. Опухнем от голода.
- Ты, Шарыгин, скорее ото сна опухнешь, чем от голода. Пообедаем в дороге, а ужинать будем уже дома. Две банки на трех человек. Сможешь поделить?
- Обижаете, товарищ лейтенант. Я вообще могу свою пайку молодым отдать. Кстати, у нас еще один едок объявился. В наш бэтээр девушку посадили.
- Какую девушку? – не понял Нестеров.
- Ее привел капитан Воблин. Говорят, что до госпиталя поедет с нами. По-моему, это медсестра с заставы.
- Почему к нам? – пожал плечами лейтенант. – У нас что – самая просторная машина? Сержант, постукивая пыльным ботинком по колесу бэтэера, ответил:
- У нас самая безопасная. Так командование считает.
- Так считают те, кто мало бывал под обстрелом. Когда колонна нарывается на засаду, то самое безопасное место где?
- В голове, – неуверенно предположил сержант.
- Нет!
- В середине?
- Мимо!
- В хвосте? – уж совсем растерянно произнес сержант.
- В Сочи, на пляже! – ответил Нестеров.

День выдался морозным, под ногами певуче поскрипывал снег. Пританцовывая от холода, Нестеров зашагал вдоль машин батальона, который в течение недели сопровождал колонну «КамАЗов» с боеприпасами и провиантом для «точек» и, наконец, возвращался на базу.

На броне боевой машины пехоты, скучая, сидел командир второго взвода старший лейтенант Ашот Вартанян. Его плохо выбритое лицо выражало беспредельную тоску и усталость.

– Саня! – позвал он Нестерова, прыгнул на снег и взял его за рукав бушлата. – Н-не ходи на свой б-бэтэр. Тебе Воблин каблуки п-повырывает, не снимая ботинок.

Говорил Ашот плохо, заикаясь до такой степени, что нужно было напрягать слух, мучительно ожидать, когда он закончит начатую фразу.

– Ты разве не знаешь, – продолжал Вартанян, – что он затаился там с бабой? Рискнешь нарваться на неприятность...

Едва поспевая, Ашот плелся за Нестеровым. На бронетранспортер он полез первым, взбирался долго и неловко, гремел сапогами по жалюзи трансмиссии, потом опустил голову в люк и негромко сказал:

– З-здравия желаю!

Он тут же выпрямился, посмотрел на Нестерова и закатил глаза вверх, дескать, зря мы сюда приперлись. Нестеров тоже заглянул вовнутрь. На командирском сиденье в бушлате с капитанскими погонами сидела девушка. Рядом с ней, под пулеметом, – начальник штаба батальона капитан Воблин, замещающий уже неделю комбата. Оба молчали. Девушка, казалось, сильно замерзла, отчего подняла плечи, сжалась в комок. Капитан выжидающе смотрел на Нестерова. Затем негромко спросил:

– Я не мешаю тебе, Нестеров? И долго ты собираешься висеть вниз головой?

Девушка тоже подняла глаза и улыбнулась.

– Да я, собственно, высморкаться в люк хотел. А тут вы, оказывается, – процедил Нестеров и выпрямился.

Сразу же за ним в люке показался Воблин. Несмотря на свою невысокую округлую фигуру, он пружинисто выпрыгнул на броню и соскочил на землю.

– За девушку отвечаешь головой, Нестеров, – сказал он. – Создать ей уют и комфорт. Она едет с нами.

Воблин зачем-то подмигнул и быстро зашагал вдоль колонны, ежеминутно вскидывая руку вверх и глядя на часы. Привал у маленького придорожного гарнизона затянулся. Ждали тягач, прозванный в просторечье «таблеткой», который нужно было перегнать в ремонт. За морозную ночь «таблетка» намертво вмерзла гусеницами в мятый и еще податливый вчера грунт. Офицеры и солдаты стояли у машин, курили, смеялись, матерились, размахивали руками, чтобы согреться. Смуглый, широкоплечий командир отделения сержант Владимир Шарыгин, не расставаясь со своим автоматом, ровненько выставил ножку в начищенном до блеска сапоге и о чем-то тихо рассказывал солдатам. Те, слушая его, время от времени хохотали. За спинами товарищей тенью, невидимый и неслышимый стоял белесый восемнадцатилетний водитель Жора Бенкеч, вчерашний «пэтэушник», робкий, закомплексованный, с неизменно грязными ладонями. Всякий раз Нестеров, разговаривая с солдатом, мучился оттого, что мучился этот затурканный «дедами» мальчик, не знающий, куда ему деть руки, когда к нему обращались с вопросом. Лопуха накинута на его голову ушанка, торчащий из-под бронежилета легкомысленный зеленый свитер с цветочками, съехавший к низу живота ремень, широченное галифе с жирными пятнами бензина и смазки – все это вызывало у Нестерова легкое, чуть пренебрежительное чувство жалости к солдату. Пулеметчик Коля Карицкий, не по годам плешивый, с черным от пыли и соленой гари лицом и широкой, как рубленая рана, улыбайкой, слушал сержанта, глядя на него восторженным взглядом.

Лязгая гусеницами, «таблетка» наконец замкнула колонну, и сразу же раздалась команда «По машинам!». В одно мгновение все вокруг ожило, забегали солдаты, старшие машин надели шлемофоны, забросив шапки в утробы боевых машин; белый дым выхлопов поднимался над колонной, и казалось, какое-то невидимое препятствие едва сдерживает натиск боевой колонны.

Нестеров удобнее сел на броне и коснулся сапогами плеч водителя Бенкеча, словно хотел удостовериться, что тот на месте и готов к работе. Вспомнив о пассажирке, Нестеров нагнулся над люком, девушка сидела без движения и словно вжалась в крохотное сиденье. «Это, конечно, не такси», – с едкой иронией подумал он и тронул девушку за плечо:

– Шлемофон хотите?

– Зачем?

– Теплее будет и ушам спокойнее.

Она отрицательно покачала головой и, как о простых, обычных вещах, спросила:

– Как вы думаете, под Багланом по нам стрелять будут?

«Если бы я знал!» – подумал Нестеров и поморщился. Он привык отвечать головой за свой взвод и технику. Но как можно отвечать за девушку, место которой – в госпитальных палатах, в операционной, в перевязочной или процедурной, но уж никак не в боевой машине!

Шарыгин сел рядом с Нестеровым, сдвинул шапку на затылок, передернул затвор автомата и сунул в зубы сигарету. Холодный ветер трепал его темный чуб, колотил воротник бушлата, но сержант, казалось, не замечал этого и несколько раз безрезультатно чиркнул спичкой.

Маленький гарнизон остался за спиной, и по обе стороны разбитой, усеянной воронками дороги потянулись припорошенные грязным снегом поля, горы, пустые и немые, полого изгибающиеся, словно застывшее штормящее море. Иногда по пути встречались похожие на памятники, установленные на вершинах сопков, боевые машины охранения. С проездом колонны мимо они давали одиночный залп невесть куда, словно салютовали своим железным собратьям.

Нестеров, сидя на броне, постепенно уходил в дремоту и, порой оглядываясь по сторонам, не мог сразу разобраться – наяву ли эти горы, этот ветер в лицо и осторожный, звериный ход колонны, эти застывшие на броне фигурки людей с оружием и в бронежилетах, и смуглые лица солдат, которые с нефальшивой бдительностью оглядывали развалины дувалов, и молчаливая девушка в бушлате не по размеру, с офицерскими погонами на плечах, вросшая в карликовое сиденье между ящиками с цинками патронов.

За сопками потянулись убогие голые рощицы и отдельные деревья – обломанные и расщепленные стрельбой, с обгоревшими уродливыми ветвями, останки глинобитных стен, не похожие на творение человеческих рук. И все это ступеньвалось, размазывалось тихим туманом, нагнетало неопределенное чувство тревоги, смутной опасности, словно колонна ехала не по земле, а по далекой пустой планете.

Нестеров дернул головой, стряхивая с себя липкий сон. Сержант Шарыгин тоже выпрямился, поставил автомат между колен стволом вверх и стал напряженно всматриваться вперед. Оба они почувствовали, как постепенно нарастает скорость у бронетранспортера, и водитель Жора Бенкеч уже не объезжал глубокие рытвины в асфальте, а все сильнее давил на газ.

БТР выл, скрежетал коробкой передач, с силой ударяясь о края ям, выпрыгивая из них как мяч.

И тут Нестеров понял, чем эта местность отличается от той, которую они проезжали раньше. Вокруг не было людей. Ни одного человека. Ни стариков на ослах, ни детей вдоль дороги, ни дехкан в поле. Колонна ехала по полигону, мишенному полю, из которого временно вывели все живое, чтобы обрушить огонь только на тех, кому он был предназначен.

Отсоединив штекер шлемофона, Нестеров нырнул в люк и быстро потянул рукой рычаг, закрывающий окошко бронированной шторкой. Девушка удивленно посмотрела на него.

– Зачем?

– Гравий из-под колес, – первое, что пришло на ум, сказал Нестеров и попытался улыбнуться. Девушка тоже улыбнулась – даже насмешливо.

Нестеров не ошибся.

Где-то рядом оглушительно хлопнул выстрел. Нестеров инстинктивно пригнулся, и сержант, словно тень, проделал то же самое.

– Товарищ лейтенант, откуда стреляли? – с каким-то будничным интересом спросил Шарыгин, вращая головой в разные стороны.

– Карицкий! – крикнул Нестеров. – К пулемету!

Сержант, должно быть, что-то опять спросил, но его слов Нестеров не расслышал. Резкой волной ворвалась в воздух стрельба, впереди идущие бронетранспортеры открыли огонь из пулеметов по ржи, скрытым за деревьями дувалам.

Нестеров и Шарыгин нырнули по пояс в люки, в одно мгновение снимая автоматы предохранителей. Фигура Шарыгина в черном бушлате мешала Нестерову удобно изготавиться; в скрученном положении он прильнул щекой к прикладу автомата, забыв даже снять солнцезащитные очки. Он увидел перед собой мелькающие развалины, серые пятна людей между ними и заслонившее все это черное окно прицельной мушки. Еще какое-то мгновение Нестеров пытался прицелиться и резко нажал на спусковой крючок.

Звук своего выстрела он не услышал, лишь почувствовал, как содрогнулся внезапно оживший в его руках автомат, и горло обжег знакомый запах пороховой гари.

Броня под грудью задрожала и, казалось, сама стала выделять из себя смертоносную энергию. В ту же секунду Нестеров щекой почувствовал жар огня пулемета. И звук его был настолько страшен своей колоссальной силой и мощью, вынести его было так трудно, что Нестеров опустил голову на броню, чтобы перетерпеть огневой удар пулеметчика Карицкого.

Он вновь потянул спусковой крючок, еще сильнее вжимаясь в броню всем телом, но автомат недвижимо застыл в его руках, металлически клацнул ударник. «Как некстати», – подумал

Нестеров, боясь потерять ставшие бесценными секунды, отстегнул связанные лентой магазины, перевернул полным вверх; нервничал, ударяя им об автомат, — никак не присоединялся.

И тут броня вздыбилась, закачалась и стала быстро подниматься в вертикальное положение. Бронетранспортер на полной скорости вылетел с дорожного полотна, сильно накренившись, съехал в кювет и, пробороздив еще несколько метров по земле и рыхлому снегу, замер, словно раненый зверь.

Глава 2

«Нас подбили? – лихорадочно подумал Нестеров. – Но почему не было слышно взрыва?»

Ему казалось, что бронетранспортер именно в это мгновение превращается в мишень, под которую кто-то медленно подводит обрез прицельного штырька. Он прыгнул вслед за Шарыгиным вниз, поскользнулся на размытом грунте и тяжело упал рядом с машиной. Но тут же встал на ноги, выпрямился, стараясь разглядеть, откуда били по ним, и в ту же секунду услышал над головой знакомый свист. Не торопясь припасть к земле, Нестеров стоял на одном колене и рассматривал развалины дувалов. Бенкеч тоже приподнялся, встал на колени, но тут же поскользнулся на мокрой наледи и упал, с размаху ударив автоматом о землю.

Словно из открытой дверцы раскаленной печи дохнуло жаром, и автоматную трескотню прорезал какой-то дребезжащий, не похожий ни на что земное рев. Бледно-красный шлейф мелькнул перед глазами Нестерова лишь на долю секунды, как раз в том месте, где только что стоял Бенкеч. Потом рядом за их спинами ухнул взрыв.

«Граната! – догадался Нестеров, моментально припадая к земле и чувствуя, как напряжение сковывает его тело. – Сейчас по бронетранспортеру выстрелят во второй раз и уже не промахнутся.

– Карицкий! – крикнул Нестеров. – Девушка где? Она все еще внутри?!

Солдат, прижавшись щекой к прикладу автомата, стрелял. Нестеров не стал повторять вопрос, поднялся на ноги и рванулся к бронетранспортеру.

«Какого черта... – думал он. – Почему она все еще там?»

Он уже поднял ногу, чтобы встать на диск колеса, как его сильно оттолкнул в сторону Шарыгин.

– Назад! – крикнул он Нестерову.

Нестеров машинально подчинился, присел, глядя, как сержант ползет по броне к люку. Потом, опомнившись, бросился к дороге.

– Прикройте Шарыгина!

Через минуту из бокового люка выпрыгнула на землю девушка, а следом за ней – Шарыгин. Нестеров лишь на секунду обернулся, но не увидел лица медсестры.

И тут сзади раздался крик солдата Алимова:

– Со спины бьют! Окружили!

Бенкеч вскочил на ноги, рванулся к кустам, плюхнулся всем телом прямо в ручей и там, в грязи, прижался щекой к прикладу автомата.

– И слева бородатые! Смотрите, слева! Слева! Вон, вон!!

Шарыгин ползком поднимался по склону кювета и махал рукой.

Впервые за время обстрела Нестеров увидел их отчетливо. Метрах в ста от бронетранспортера два человека в темных пиджаках, чалмах и с оружием в руках, пригибаясь, быстро бежали через дорогу.

– Товарищ лейтенант, я сам... – задыхаясь, произнес Шарыгин, метнулся по дну кювета туда, где должно было сомкнуться кольцо бородатых, упал у кустов и прижался к щеке приклад. Один из «духов» сразу же осел на землю, а второй, прыгнув под откос, покатился в укрытие. Шарыгин перестал стрелять, вжался лицом в снег.

Нестеров почувствовал, как у него в висках заколотилась кровь от напряжения. Он перевернулся на спину и посмотрел назад. Девушка лежала у колес бронетранспортера и пыталась зарядить пустой магазин. Рядом с ней – разорванная пачка с патронами. Карицкий замер у самой дороги и стрелял по дувалам. Бенкеч все еще лежал в ручье и вздрагивал после каждой очереди. Вокруг него медленно втягивались в грязь раскиданные пустые и полные магазины. Наконец солдат повернул черное от гари лицо, и сипло сказал:

– Товарищ лейтенант, нам шиздец!

– Не ссы, Бенкеч! Морская гвардия не тонет! – Какая еще морская гвардия? Я пехота, и мне до дембеля два месяца...

– Наши! Наши! – раздался крик сержанта Шарыгина. По дороге на бешеной скорости мчалась боевая машина пехоты. Ее пушка была повернута в сторону дувалов, разрывы снарядов разбивали глинобитные стены в щебень и пыль.

БМП поравнялась с Карицким, лежащим на грязном снегу, и остановилась. Малорослый, коротко остриженный офицер, едва высунувшись из люка, заплетающимся языком произнес:

– Чего лежите? Тащите трос и цепляйте.

Это был командир роты старший лейтенант Сергей Звягин.

Бенкеч в одно мгновение запрыгнул на БТР, вытащил трос и метнулся к боевой машине. Ротный что-то крикнул своему механику-водителю, и БМП с утробным рычанием потащила бронетранспортер из кювета. Солдаты помогли медсестре взобраться на броню...

Нестеров нырнул в люк. Девушка, растирая руками лицо, сидела на своем прежнем месте. «Ничего, – подумал Нестеров, – ты еще с восторгом будешь рассказывать своим подругам про этот день».

Вся колонна батальона стояла на обочине дороги рядом с большим кишлаком, раскинувшимся у подножия голых, отшлифованных ветрами гор. Нестеров спрыгнул на землю и пошел к БМП. Звягин сидел на броне и протирал ветошью автомат. Нестеров молча протянул ротному руку.

– Спасибо, выручил.

– «Спасибо» в стакан не нальешь, – ответил Звягин. – Подойди к Воблину. Он хотел тебя видеть.

Начальник штаба стоял перед строем офицеров и что-то резко говорил Варганяну. Увидев Нестерова, замолчал, но не изменился в лице.

– Цел, герой? Доложи, что с девушкой.

Нестеров хотел было ответить, но Воблин опять повернулся к строю.

– Ладно, потом!

Нестеров стащил с головы шлемофон, провел ладонью по влажным волосам, вынул из кармана измятую пачку сигарет и долго ковырялся в ней пальцами.

Наконец Воблин скомандовал «разойдись» и подошел к Нестерову. Обнял его одной рукой за плечи и повел вдоль колонны.

– Ну, расскажи, Нестеров, как там наша девчонка? Что с машиной?

– Вас что интересует в первую очередь – машина или девчонка? – вопросом на вопрос ответил Нестеров.

– Что с тобой? – Воблин отступил на шаг и, шурясь, взглянул на Нестерова. – Ты чем-то недоволен, лейтенант? Сознание затуманилось? «Духи» насмерть испугали, да?

– Не в этом дело. Я или выполняю боевую задачу, или обеспечиваю безопасность девушки. Делать одновременно и то, и другое я не могу. Дайте команду, чтобы медсестру пересаживали в другой бронетранспортер.

– А чем она тебе мешает?

– Она связывает меня по рукам и ногам. Вместо того чтобы нормально ответить на огонь противника, я беспокоился о том, чтобы ваша подопечная не промочила ноги и не поймала пулю.

– Ладно, хватит грубить, – охладил пыл лейтенанта Воблин. – Ничего, не развалишься. Медсестра остается в твоей машине. Надо уметь делать все, лейтенант. И воевать, и защищать. Ясно? Представь, что эта девушка – твоя сестра. Или... – Воблин мгновение подыскивал сравнение, – или твоя невеста.

– Хорошо, – кивнул Нестеров, прикуривая. – Уже представил. Разрешите идти?

Нестеров плелся к своей машине, безо всякого любопытства рассматривая кишлак и нависшие, казалось, прямо над ним скалы. Сновали у боевых машин мальчишки, грязные, в калошах на босую ногу, отрывисто выкрикивали слова, предлагали купить презервативы и чарс, кланчили у солдат сигареты. Степенные старики, сгорбившиеся и флегматичные, шаркали калошами, проходя мимо, останавливались напротив какой-нибудь машины, не поворачивая туловища, искоса рассматривали выцветшими глазами солдат и офицеров, одним ухом прислушивались к чужой речи и, заложив руки за спину, так же чинно и невозмутимо шли дальше.

Около бронетранспортера Нестерова окликнул голос:

– Закуривайте, товарищ лейтенант!

Шарыгин, сидя на броне, протягивал пачку сигарет.

– Накурился уже до одури, Шарыгин... Да ладно, давай твою отраву... Где эта немногословная красавица, мать ее за ногу...

– Ушла к начальнику штаба.

– А почему не спросила у меня разрешения? Ладно, скатертью дорога. Надеюсь, она больше не вернется, и мы сможем заниматься нормальной боевой работой.

– Это верно, – согласился Шарыгин, загоняя шомпол в ствол автомата. – Зря мы в канаве валялись. Надо было бы посадить Толяна за пулемет, а самим рвануть вперед, закидывая дувалы гранатами.

– Ну да, надо было... Только и остается фантазировать, каких бы мы шиздюлей навесили «духам».

Нестеров курил, глубоко и часто затягиваясь, глядя, как солдаты меняют сахар на ананашу. По обочине шел Ашот Вартанян, крепко прижимая к груди банки с тушенкой и отбиваясь от наседавших на него мальчишек. «Азер! Азер!» – кричали они вслед офицеру. Ашот оборачивался, хмурил брови, делал свирепое лицо и матерился. Пацаны смеялись, улюлюкали, показывали непристойные жесты.

Криво улыбаясь, Ашот подошел к Нестерову:

– Маленькие волчата! Хотели тушенку умыкнуть. Один, юркий такой, хват у меня из рук банку – и в толпу. Я за ним, а мне – подножку. Еле устоял... Гляди-ка, кого наш ротный в-ведет...

Звягин быстро шел вдоль колонны, а за ним едва поспевал старый афганец.

– Нестеров! – крикнул издали Звягин. – Где Алимов? Пусть переведет. Этот душара хочет нам что-то сказать.

– Бабок он хочет, по роже видно, – пробормотал Нестеров.

Исмаил Алимов, таджик по национальности, понимал дари и вполне справлялся с обязанностями переводчика. Солдат подошел к афганцу и протянул ему руку:

– Салам алейкум!

Афганец ответил на приветствие и торопливо заговорил, прикладывая руку к сердцу:

– Меня зовут Махмед Саид. Я дехканин, живу недалеко отсюда, на краю рисового поля. Недавно у меня родился третий сын. Ребенок здоров, но его мать чувствует себя очень плохо. Врачей у нас нет. Денег тоже мало. Мы очень бедные, а жена вот-вот умрет. Может, среди вас есть врач?

– Где медсестра? – спросил Звягин у Нестерова.

– У Воблина спроси.

– Давай-ка, Саня, найди ее, еще трех солдат с собой и сходите к афганцу... Если, конечно, это действительно недалеко.

– Приключений захотелось?

– Надо же изобразить сочувствие, блин горелый! – вспылил Звягин. – Мы тут, все-таки, оказываем помощь братскому афганскому народу!

Воблин и девушка сидели на земле рядом с командно-штабной машиной. Выслушав Нестерова, начальник штаба посмотрел на девушку и произнес:

– Заставлять не могу. Просить не хочу. Приказывать не имею права...

– Ладно, я схожу, – ответила медсестра, поднимаясь с земли.

– Только недолго, Нестеров, – предупредил Воблин. – Одна нога там – другая здесь. Даю вам от силы полчаса.

Махмед Саид быстро шел по кишлачной улочке. За ним – медсестра, Нестеров, Вартанян. Трое солдат во главе с Шарыгиным, оглядываясь по сторонам, замыкали маленькую группу.

Вскоре афганец вышел на маленькую площадь, в центре которой возвышался трехэтажный дом, обнесенный очень высокими дувалами. Поминутно оглядываясь, Махмед свернул влево и по узкой улочке повел вглубь кишлака. Наконец он отворил тяжелую, обитую железом дверь и жестом пригласил всех зайти во двор.

– А он не из бедных, – вслух подумал Ашот, заглядывая через проем двери. – Может, «духам» помогает, а они ему платят.

– Да скорее всего, он сам и есть «дух», – вставил кто-то из солдат.

Двор был обжитым, уютным. У большой кучи соломы лежал теленок, чинно расхаживали куры, индюки. Двухолка с поднятыми, как стволы орудий, оглоблями была завалена мешками и дровами. Из двери дома вышла смуглая, пугливая девочка и юркнула в сторону.

– Моя старшая дочь, – сказал афганец.

Шарыгин и солдаты остались у входа во двор. Только Алимов вслед за офицерами и медсестрой зашел в дом.

В комнату вела дверь, утепленная войлоком. Когда Махмед распахнул ее и отодвинул в сторону занавеску, дохнуло тяжелым запахом жилья, несвежести, грязного белья, и офицеры, как по команде, схватились за носы.

Маленькая комнатуха была жарко натоплена. Левая часть была перегорожена шторой. В центре комнаты – «буржуйка», накаленная докрасна, изгиб трубы от нее уходил в отверстие в стене. У запотевшего окошка на матрасе, укутанный в одеяло, лежал крохотный ребенок. Не спал, смотрел невидящими глазами перед собой и едва шевелил губами.

Матрасы были разбросаны в каждом углу. Хозяин, войдя в комнату, снял калоши, босиком зашлепал к шторке, оттянул ее край, и жестом пригласил медсестру зайти. Там была женская половина.

Медсестра вопросительно посмотрела на Нестерова.

– Да иди уж... – ответил Нестеров. – Если что случись, нам тут всем крышка.

Ашот легонько толкнул Нестерова локтем и едва заметно указал глазами куда-то в угол. Махмед на полсекунды опередил это движение Вартаняна, присел на матрасе и быстро смотал в рулон какой-то продолговатый предмет, похожий на ленту.

– Исмаил! – раздался из-за ширмы голос медсестры. – Скажи, что вялость и слабость у жены – вполне обычное явление... Воспалений нет.

Солдат синхронно перевел афганцу слова. Махмед, очень внимательно слушая, кивал головой, а девочка, сидящая около печки, смотрела на Алимова как на бога, широко раскрыв рот.

– Что ты мне хотел показать? – спросил Нестеров Ашота.

– Патронташ, – негромко ответил Вартанян.

Нестеров посмотрел на часы. Прошло уже двенадцать минут, как они оставили колонну.

Пока шел диалог между медсестрой, солдатом и Махмедом, Ашот без видимого любопытства стал расхаживать по тесной комнатухе, рассматривая предметы. Потом он взял с печурки маленький металлический чайник, налил бледно-желтой водички в пиалу, придирчиво осмотрел ее края, но все же переборол брезгливость и медленно выпил. Рукавом бушлата вытер усы и пробормотал:

– Умирал, пить хотел. Но боялся, что он предложит первым. Когда бабаи что-то предлагают мне, то всегда отказываюсь... Что-то, старик, тревожно мне на душе.

– Может, дать тебе водки? – спросил Нестеров и хлопнул по фляге, которая висела на его ремне... – Какого черта он так жарко топит? Я уже взмок.

Наконец девушка вышла из-за ширмы.

– Как в бане! – воскликнула она и расстегнула бушлат. – Исмаил, скажи ему, что у жены небольшое кровотечение, но все в пределах нормы. Волноваться не надо. Спроси, есть ли у матери молоко. – И присела у ребенка, раскутывая его.

Исмаил спрашивал, хватая себя за мнимую грудь.

– У окна дует, – сказала медсестра. – Скажи, топить надо слабее, а ребенка переложить к стене.

Солдат перевел.

– Ну, в чем дело? – выждав паузу, спросила медсестра. – Почему он не перекладывает? Тут жуткий сквозняк. Эй, папаша! Перетаскивайте матрац в другой угол!

Афганец закивал и вместе с тем заметно заволновался. Он подошел к младенцу и, неестественно улыбаясь, погладил его по голове. Казалось, он перестал понимать, что ему рекомендует медсестра.

Ашот схватил матрац за край и попытался оттащить в сторону, но афганец вдруг громко и торопливо заговорил, замахал руками.

– Он говорит, что замажет щели глиной, – перевел Алимов.

– Фиг с тобой, – согласился Ашот. – Мое дело предложить, его дело отказаться.

– У ребенка потница, Исмаил. Нужна присыпка... – говорила медсестра.

– Он спрашивает, не опасно ли? Беспокоится очень.

– Скажи, что через две недели все пройдет. Только пусть он не заставляет ее работать. Полгода ей нельзя носить тяжести. Так и переведи. Пусть мать только ухаживает за ребенком.

– Да не о работе он спрашивает, – хмыкнул Ашот, снова взял чайник, но передумал и вернул его на место. – Его интересует, когда ему спать с ней можно будет... Красивая хоть?

– Как атомная бомба, – предположил Нестеров.

– У вас, мужиков, только одно на уме, – ответила медсестра.

Махмед низко поклонился Алимову и протянул медсестре замусоленную пачку розовых купюр. Девушка сделала вид, что не увидела денег, повернулась и пошла к выходу – она уже не могла дышать здесь.

– Не надо, дядя! – Вартанян похлопал афганца по плечу. – Убери свои вшивые бабки! Скоро мы вам построим коммунизм, и все деньги отменят. И все будет бесплатным... – И добавил Алимову: – Исмаил, передай бойцам, если кому афгани нужны, пусть возьмут. Но только так, чтобы мы с Нестеровым этого не видели.

Афганец, все время, кивая головой, низко кланялся. На обратном пути Ашот сказал Нестерову:

– На душмана он не очень похож, как ты думаешь?

– Да вылитый душара! Нервничал очень.

– Да, я тоже обратил внимание. Видел, как он быстро спрятал патронташ?.. А ты что скажешь, востоковед?

Алимов пожал плечами.

– Тупой он какой-то... Ребенок лежит у окна, но никто его не переложит к другой стене.

– Да просто переволновался, – сказала медсестра. – Такая орава военных к нему в дом зашла... – Она вдруг обернулась и с удивлением добавила: – Легко на помине... Смотрите, за нами бежит...

Глава 3

Афганец глубоко дышал и быстро переводил взгляд с Нестерова на Алимова. Наконец он взял под локоть солдата и потянул, предлагая отойти в сторону.

– Что-нибудь случилось, чувак? – насторожился Ашот.

Глядя на Нестерова, афганец прошептал:

– Я хочу сказать вам... Уезжайте отсюда, немедленно. Как можно быстрее!

– Алимов, спроси его, почему у него такие глаза круглые? – сказал Нестеров.

– Поверьте, – еще тише проговорил Махмед, – я не связан с моджахедами. Я хочу работать, у меня есть земля. Мне надо растить детей. Но они убьют их, если я перестану выполнять волю хозяина... Не спрашивайте, я не могу сказать вам всего. Если вы не уедете отсюда, то будет беда... Ради аллаха, уезжайте!

– В кишлаке есть душманы? – спросил Нестеров.

Алимов перевел.

Афганец покрутил головой и почти выкрикнул:

– Нет, нет! Но клянусь детьми, что ни слова не солгал вам!

Он замолчал, оглянувшись и почти шепотом добавил:

– Да простит меня аллах... Я скажу вам. Они придут. Скоро. Здесь они хотят обустроить свои склады. Много складов с оружием, гранатами и минами...

Махмед замолчал и, ни слова не говоря больше, быстро пошел в обратную сторону.

– Ты правильно перевел? – спросил Ашот у Алимова.

– Клянусь аллахом, – попытался сострить солдат. – Дословно.

– Пошли отсюда, – коротко сказал Нестеров и зашагал вперед.

Девушка пошла с ним рядом, почти вплотную. Бойцы чуть отстали. Они все еще делили деньги, которые дал им афганец...

* * *

Воблин нервно курил одну сигарету за другой.

– Значит, в кишлак идет банда с оружием?

Он прикурил новую сигарету и с сомнением покачал головой.

– Враки. В кишлак духи не сунутся. В нем полно жителей, нахера духам подставлять своих единоверцев под огонь нашей артиллерии? Ваш афганец – вун и провокатор. Он нас просто заманивает в ловушку. Этот говнюк хочет, чтобы мы стянули сюда лучшие подразделения, стали колымом вокруг кишлака, чтобы потом расстрелять нас с четырех сторон.

– Предположим, душманы готовят ловушку, – произнес Звягин задумчиво. – В таком случае мне остается лишь выразить свое восхищение их дальновидностью и способностью предвидеть будущее.

– Не понял тебя!

– Как они могли знать, что сегодня по этой дороге пройдет колонна, которая остановится у кишлака – привал ведь был незапланированным, ждали Нестерова. Откуда они могли знать, что с нами будет медсестра, которая сразу согласится осмотреть жену афганца? Неужели рождение ребенка – тоже в плане ловушки?

– Ты напрасно иронизируешь, Звягин! – резко ответил Воблин. – Все значительно проще. Послушай теперь мой вариант. Душманы подготовили ловушку. Во-первых, они обстреляли нас у кишлака. Обычно колонны всегда после обстрела встают на короткий привал. Второе: либо медсестра, либо солдат-фельдшер есть в каждом подразделении. И, в-третьих, жене этого

афганца нетрудно было симулировать недомогание. Вы же мне сами сказали, что та женщина практически здорова.

– Патронташ! – вдруг воскликнул Ашот и хлопнул себя по лбу ладонью. – Как все просто!

– Какой патронташ? – насторожился Воблин.

– В комнате Махмеда мы видели кожаный ремень-патронташ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.